

4. Burton A. Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865-1915. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1994. 301 p.
5. Bush J. Edwardian Ladies and Imperial Power. Leicester: Leicester University Press, 2000. 233 p.
6. Bush J. «The Right Sort of Woman»: Female Emigrators and Emigration to the British Empire, 1890-1910 // Women`s History Review. 1994. V. 3. № 3. P. 385–405.
7. Dagers J. The Victorian Female Civilizing Mission and Women`s Aspirations towards Priesthood in the Church of England // Women`s History Review. 2001. V.10. № 4. P. 651–670.
8. Greg W. R. Why Are Women Redundant? L.: N.Trubner & Co, 1869. 39 p.
9. Krogulski S. Turning a Curse into a Blessing: Propaganda and the Emigration of British Single Women // CONCEPT – An interdisciplinary journal of graduate studies Villanova University. URL: <http://concept.journals.villanova.edu/article/view/328> (время доступа 17.11.2011).
10. Mackenzie E. Memoirs of Mrs. Caroline Chisholm, with an Account of her Philanthropic Labours, in India, Australia, and England. L.: Webb, Millington, and Co., 1852. 187 p.
11. Midgley C. Feminism and Empire: Women Activists in Imperial Britain, 1790-1865. L.: Routledge, 2007. 206 p.
12. Myers J.C. Antipodal England: Emigration and Portable Domesticity in the Victorian Imagination. Albany: State University of New York Press, 2009. 175 p.
13. Parr Traill C. The Female Emigrant`s Guide, and Hints on Canadian Housekeeping. Toronto: Maclear & Co., 1854. 40 p.
14. Servio. The Voyage Companion: A Parting Gift to Female Emigrants. L.: Charles Gilpin, 1850. 55 p.
15. Wakefield E.G. A View of the Art of Colonization, with Present Reference to the British Empire; in Letters Between a Statesman and a Colonist. L.: John W. Parker, 1849. 514 p.
16. Wakefield E.G. A Letter from Sydney, the Principal Town of Australasia. L.: Joseph Cross, 1829. 222 p.

УДК 947

Кудрявцев Александр Абакарович, Кудрявцев Евгений Александрович**ПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕРВОГО РОМАНОВА (1613–1645 гг.)**

Статья посвящена мало изученной и актуальной проблеме Отечественной истории – развитию взаимоотношений Российского государства с народами Северного Кавказа в первой половине XVII в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российское государство, Романов, развитие взаимоотношений, торговля, казаки, народы Северного Кавказа.

Kudryavcev Aleksandr A., Kudryavcev Eugene A.**THE POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE NORTH****CAUCASUS IN THE PERIOD GOVERNMENT OF FIRST ROMANOV (1613–1645)**

The article relates to by-ways of Russian history – development of relations of the Russian State with peoples of the Northern Caucasus in the first half of the XVIIth century.

Key words: Northern Caucasus, Russian State, Romanov, development relations, trade, Cossacks, peoples of the Northern Caucasus.

В феврале 1613 г. Земский (выборный) собор избрал новым русским царем шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, вступление которого на российский престол ознаменовало не только воцарение новой династии, но и окончание «смутного времени». Один из основоположников русской историографической мысли XIX века Н. И. Костомаров (1817–1885) писал в связи с этим судьбоносным событием: «Мало в истории найдется примеров, когда бы новый государь вступал на престол при таких крайне печальных обстоятельствах, при каких избран был шестнадцатилетний Михаил Федорович» [2, с. 383]. На западе страны ряд областей были захвачены могущественными соседями – Польшей и Швецией, война с которыми ещё продолжалась. «Оба эти государства владели окраинами Московской державы и выставляли двух претендентов на московский престол двух соперников новоизбранному царю» [2, с. 383].

Действительно, это было очень трудное время для молодого царя и всего Российского государства. Польские и шведские отряды разоряли и грабили западные русские области, шайки наёмников и «воровских» казаков бродили в центре России и грабили территории даже в окрестностях

Москвы. Казна была пуста и порой сами «служилые люди», не обеспеченные правительством содержанием, грабили население, среди которого нередко вспыхивали волнения и смуты, вызванные «слишком тяжелыми поборами и крутыми мерами самой администрации» [4, с. 372].

Серьезную опасность для царской власти представлял очередной самозванец Заруцкий, который, захватив с собой Марину Мнишек и её сына, с примкнувшими к нему казаками и шайками наемников грабил русские области и готовил поход на Москву. Разбитый царскими войсками, он бежал в Астрахань, где пытался привлечь на свою сторону казачество Волги, Дона и Терека.

Заруцкий обещал им «выгодный поход на Самару и Казань», но у большинства казаков его предложение «встретило мало симпатий», хотя «часть волжских, а именно молодежь, которой все равно было, где бы ни «добыть себе зипунов», склонялась на его сторону» [4, с. 372]. Царское правительство, прекрасно понимая, какую силу представляли казаки и другие обитатели Нижнего Поволжья, Дона и Северного Кавказа, «старалось их отвлечь от Заруцкого к себе», тем более что «терские же казаки сперва все поголовно поддались ему» [4, с. 373]. Москва шлет казакам жалование, подарки и лестные обещания, что изменило обстановку в пользу Михаила Федоровича, а вскоре Астрахань возмутилась против Заруцкого, и он был разбит, взят в плен с Мариной Мнишек и её сыном и отправлен в Москву, где был казнен.

Эти события на южных окраинах России, неблагоприятное развитие которых могло стоить династии Романовых только-только обретенного ими престола, заставили уже первых представителей династии уделять пристальное внимание Северному Кавказу и его обитателям. Здесь, как и на западных границах, позиции Российского государства оказались значительно ослаблены, что привело к усилению в этом очень важном для России регионе влияния Турции и Сефевидского Ирана.

Агрессивная политика крымских ханов, поддерживаемая турецкими султанами, разделение Ногайской Орды на Большую и Малую, из которых последняя, именуемая Казыевыми улусами, попала под влияние Крымского ханства и оказалась враждебно настроена к России, сильно осложняли обстановку на Северном Кавказе и угрожали безопасности южных границ Российского государства. Это грозило утратой здесь русского влияния и потерей значительных успехов в русско-кавказских отношениях, достигнутых в правление Ивана Грозного.

Михаилу Федоровичу Романову, сразу же по вступлению на Российский престол, пришлось, наряду с российско-польскими и российско-шведскими проблемами, уделять значительное внимание кавказским делам и южным рубежам Российского государства, где интересы России активно поддерживало волжское, донское, гребенское и терское казачество, а также кабардинцы, ногайцы и ряд других этносов Северного Кавказа. Сохранив контроль в низовьях Волги и на Тереке, Российское государство достаточно твердо удерживало свои позиции в Северо-Кавказском регионе, надежно прикрывая свои южные границы. Не имея возможности реально усилить русское влияние на Северном Кавказе, Михаил Федорович всячески поддерживал в этом плане мероприятия астраханского и терского воевод, направленные на его укрепления, и вел успешную международную политику, дипломатическими средствами сохраняя мирные отношения с Турцией и Ираном.

Для упрочения российских позиций на территориях Северо-Восточного Кавказа, управляемых Россией или находящихся под ее влиянием, уже в первые годы правления Михаила Федоровича терский воевода Головин взял под свой контроль наиболее важные торговые коммуникации и переправы на Сунже и Тереке. Он приказал гребенским и терским казакам «держат пикеты на всех перелазах на Сунже и Тереке» и пропускать через них «только людей подвластных Москве кабардинских и кумыкских владельцев». Эта мера значительно повысила авторитет Московского государства и заставила местных правителей и мелких горских феодалов искать русского покровительства и благосклонности первого Романова. Так, даже сын шамхала Тарковского, ориентировавшегося в большей мере на Турцию и Крымское ханство, Гирей-Мурза обратился с просьбой к терскому воеводе, «чтобы его пожаловати перевозом на Сунже» и просил разрешить, чтобы «его, Гиревы, уздени и черные люди» могли пользоваться этой переправой и «ездить из Кумыков в Кабарду и из Кабарды в Кумыки» [5, с. 65 – 66]. Это ходатайство одного из самых значительных владельцев Северо-Восточного Кавказа было удовлетворено и воевода Головин приказал изготовить специальный серебряный перстень-печатку с изображением льва, который послал Гирей-Мурзе в качестве печати для пропусков его людям.

Продолжая политику Ивана Грозного, которого в своих грамотах «обычно называл своим дедом» [1, с. 374], Михаил Федорович поддерживал кабардинский род и сторонников князя Темрюка.

Сохранились сведения о походе в 1618 году Вельяминова против врага этого рода князя Шалоха. Известно, что Вельяминов разгромил аулы князя Шалоха и его сторонников, но в одной из стычек с последними был убит преданный сторонник Москвы князь Алей-Мурза, сын Мамстрюка Темрюковича [5, с. 66].

Михаил Федорович Романов уделял значительное внимание и Ногайской Орде, стремясь сохранить русское влияние на этот многочисленный кочевой этнос Северного Кавказа и Предкавказья. Еще в первой половине XVI века, в правление Ивана Грозного, в результате междоусобных распрей двух наиболее влиятельных ногайских владетелей Исмаила и Юсуфа, в Орде произошли крупные столкновения противников. Они привели к кровавой резне и большим потерям с обеих сторон, итогом которых стала гибель Юсуфа и бегство части его Орды, возглавляемой после смерти Юсуфа Мурзой Казыем. Казыевцы откочевали к побережью Азовского моря, на территории, находившиеся под влиянием крымских ханов. Эти ногайцы стали именоваться Малой Ордой или Малыми Ногаями, и в силу своей зависимости от Крыма ее правители стали активно проводить антирусскую политику. Хан Исмаил, победивший в этой борьбе, объединил всех остальных ногайцев и встал во главе Большой Орды, перешедшей под русское покровительство и неизменно выступавшей союзником Ивана Грозного, которому Исмаил писал: «Я твой казак и твоего двора человек» [5, с. 67]. Однако, постепенно оправившись от поражения, правители Малых Ногаев стали проводить активную антирусскую политику среди кочевников Большой Орды и «Пятигорских Черкасов». Опираясь на поддержку крымских ханов, представители Казыева улуса стремились посеять распри и междоусобицы среди ногайцев Большой Орды, уговаривая их перекочевать из степей Поволжья на территории Кубани, подвластные крымским ханам.

Обеспокоенный безопасностью южных рубежей России, Михаил Федорович приказал подготовить в 1631 году поход против Малой Орды, но из-за разногласий терских казаков с терским воеводой осуществить его удалось лишь в 1633 году. Руководство походом Михаил Федорович возложил на князя Семена Волконского, которому приказал с отрядом войск, собранных из Казани, Астрахани и других городов, и усиленных «боярскими детьми, терскими стрельцами, кабардинцами и другими служилыми инородцами», сколько их есть, «да с вольными атаманами и казаками Терскими и Гребенскими» выступить против «Казыева улуса». В походе приняли участие ногайцы Большой Орды, правитель которой на помощь русским войскам направил 20 тысяч всадников [5, с. 67–68].

Поход оказался удачным для объединенных русских войск, и князь Волконский «повоевал и разорил Казыевы улусы, полон многие поймал» [5, с. 68]. Разгром Малой Орды активизировал действия крымского хана, который стал собирать войска для похода на подвластные Российскому государству территории. В связи с этим, терский воевода князь Ромодановский сообщал в Москву Михаилу Федоровичу, что согласно сведениям союзных кабардинцев, крымский хан собирался напасть на русские укрепления на Тереке, а затем на Астрахань. При этом воевода жаловался на нехватку людей: «Вместо положенных по штату двух тысяч людей Стрелецкого приказа в Терках находится едва половина» [5, с. 68]. А также на ветхость городской фортификации. Царь отреагировал на сообщение с Северного Кавказа и на Терек был направлен инженер Корнелий Клаузен, в задачи которого входил комплекс мероприятий по укреплению Терков и других русских городков на Тереке. Известный немецкий ученый Адам Олеарий, который в составе голштинского посольства, имевшего задание через Москву и Кавказ наладить торговые связи с Востоком, дважды побывал на Тереке (1–3 ноября 1636 г. и 20 мая – 4 июня 1638 г.), оставил интересные сообщения о фортификационных сооружениях города, возведенных К. Клаузеном. Согласно данным А. Олеария, Терки был укреплен насыпными валами и болверками «по теперешнему способу» [3, с. 493–494]. Фортификационные работы К. Клаузен проводил на протяжении нескольких лет, и они в основном были завершены в 1646 году, т.е. уже после кончины Михаила Федоровича в 1645 г.

Сведения А. Олеария, посетившего русские поселения на Тереке в годы правления первого царя из династии Романовых, рисуют очень сложную обстановку на этой далекой северокавказской окраине Российского государства. В это время и морские, и караванные сухопутные торговые трасы подвергались постоянному нападению разбойников, значительное количество которых составляли «воровские» казаки и шайки горцев. Но случалось, что и вольное казачество участвовало в грабительских акциях, нередко подстрекаемое к этому представителями царской администрации, иногда даже воеводами.

Так, видимо, не без ведома Терского воеводы, терскими казаками был разграблен мирный ногайский аул Мирзы Иштерека. Последний, вероятно, знавший или догадывавшийся об истинном инициаторе этого набега, не стал жаловаться в Терки, а сообщил об этом лишь в Астрахань. Аналогичные набеги и грабежи торговых караванов совершали и горцы, которые также пользовались покровительством своих феодальных правителей, получавших, как и воеводы, часть награбленной добычи.

Адам Олеарий писал о попытке казаков ограбить корабль посольства во время пребывания в Терках. «Рано утром 1-го ноября, прибыли мы в город Терки и за мелководьем стали на якорь в расстоянии двух ружейных выстрелов от берега. В ту же ночь перед нами явилось несколько сотен казаков на судах с явной целью сделать нападение; но они наткнулись на стрельцов, бывших с князем Муцалом и, убедившись, что найдут достаточное сопротивление тотчас отплыли назад» [3, с. 495].

Любопытно, что этот кабардинский князь, имевший очень высокий чин войскового атамана Терского казачьего войска, играл на протяжении длительного периода времени очень заметную роль в военно-политической и торгово-экономической жизни не только Кабарды, но и всего Северного Кавказа.

Позднее в числе ограбленных казаками оказались люди Муцала, что дошло до Москвы и стало предметом разбирательства самого Михаила Федоровича. Об этом инциденте стало известно благодаря челобитной жалобе князя Муцала, бывшего в это время войсковым атаманом Терского войска, на терского воеводу князя Хилкова и дьяка Григория Углева. Челобитная была связана с распоряжением воеводы Хилкова терским казакам «застать кумыкскую и кабардинскую дороги и всем проезжим людям, кто теми дорогами пойдет, большую тесноту чинить и грабить» [5, с. 69]. Согласно этого распоряжения воеводы, в 1640 году казаками были ограблены торговые люди и уздени самого князя Муцала, у которых отняли «разной рухляди» на весьма значительную для того времени сумму в 500 рублей. В ответ на жалобу Муцала, Хилков запросил с него еще 300 рублей, необходимых «якобы на разыскание тех воров» [5, с. 69]. Разгневанный Муцал обратился с жалобой к Михаилу Федоровичу, который приказал рассмотреть дело в суде. Но Хилков дал взятку в 250 рублей дьяку Григорию Углеву и был оправдан, что привело к новой челобитной жалобе князя Муцала царю. «Ты Государь, пожаловал меня, холопа твоего, велел на него, князя Ивана Хилкого, дать свой государев суд, но князь Хилклв, не ходя со мной в суд, помирился в половине иску моего» [5, с. 69]. Михаил Федорович приказал взыскать с воеводы 250 рублей, а еще 250 рублей взыскать с дьяка-взяточника самому Муцалу. Подобный приговор, вынесенный царем, хотя юридически признал виновным воеводу Хилкова, но фактически назначил ему минимальное наказание и еще длительный период князь Хилков сидел царским воеводой в Терках. Дьяк Углев же практически избежал наказания, правда, если он не попал случайно в руки князя Муцала. Подобный «царский суд», вероятно, отражал и сложность обстановки на Северном Кавказе при первых Романовых, и характеризовал самого Михаила Федоровича. Но подобное отношение к кавказским делам не всегда было характерно для политики Михаила Федоровича. В вопросах, касающихся геополитических интересов России и безопасности ее южных рубежей, царь обычно был более строг с северокавказскими воеводами и твердо требовал от них соблюдения государственных интересов. В упоминаемом уже походе русских войск против Малой Орды, казаки в 1631 г. отказались участвовать в нем, пока Терский воевода не выплатит им положенное царское жалование. Получив твердый отказ терских и гребенских казаков выступить против Казыевых улусов, терский воевода пожаловался на них царю в надежде на его поддержку. Однако Михаил Федорович поддержал не воеводу, а казаков, приказав первому полностью выплатить положенное жалование «без промедления», что и было выполнено [5, с. 66].

Надо отметить, что несмотря на разграбление товаров князя Муцала, за которое он получил лишь частичную компенсацию, последний оставался верным союзником России и «не щадя живота» защищал ее интересы. Когда в 1645 году для спасения донских казаков, осажденных в Черкаске крупным войском крымского хана, царь приказал направить на помощь донцам «охочих людей», «выступил из Астрахани воевода князь Семен Пожарский с ратными людьми, а в к нему присоединились еще 1200 терских и гребенских казаков, кабардинцы и другие инородцы, жившие около Терки. Начальство над этим конным отрядом принял князь Муцал Сунчалеевич». Позднее гарнизон Сунженского острога, «усиленный из Терки узденями, мурзами и брагунскими кумыками, прибывшими с князем Муцалом» [5, с. 76], успешно отбил нападение персидских войск и отряда шамхала Тарковского, напавших на русский форпост в 1653 г.

Выдающимися событиями для Северного Кавказа при первых Романовых стала попытка Российского государства начать изучение природных ресурсов региона, в первую очередь территорий Кабарды. Эта ответственная миссия была поручена двум западноевропейским ученым-минерологам, находившимся на русской службе: Самуилу Фричу и Иогану Герольду. Оказать помощь и содействие ученым Москва поручила терскому воеводе князю Василию Щербатову, который привлек в качестве охранников и проводников для научной экспедиции гребенских казаков. Основной целью этих ученых, впервые в истории Северного Кавказа предпринявших геологические исследования полезных ископаемых в ряде районов Кабарды, были поиски медных и серебряных руд, столь необходимых для разоренного «смутным временем» Российского государства и особенно для казны московского царя Михаила Федоровича. С. Фрич и И. Герольд обследовали в основном бассейн р. Терек и прилегающие предгорные хребты. Из их сообщений в Москву можно сделать вывод, что в сферу изучения российских исследователей попали весьма обширные территории Кабарды и других районов Северного Кавказа, в том числе и в горах. Так, они побывали в целом ряде малокабардинских селений, в том числе районах, лежавших даже выше известных аулов, принадлежащих Илдару и Келмамету – сыновьям владетеля Малой Кабарды Ибака-Мурзы. Кроме того, Фрич и Герольд посетили самые отдаленные казачьи городки гребенцов, находившиеся, как и селения Ильдара и Келмамета, в горных районах Малой Кабарды. Особый интерес в донесениях Самуила Фрича и Иогана Герольда представляют их сведения о жизни и быте гребенских казаков. Высоко оценивая помощь последних в обследовании экспедиции и вклад гребенцов как охранников, проводников, переводчиков, ученые особо отмечают их личные качества и отзываются о казаках как о людях, «на верность которых можно положиться».

Побывав в городках гребенских казаков, Фрич и Герольд оставили интереснейшие данные о их повседневной жизни и быте, рисуящие гребенцов людьми хозяйственными, домовитыми, семейными, занимающимися, кроме военного дела, хлебопашеством и ремеслами. В отличие от казаков других регионов, например донцов, волжцев, терцев, не желавших заниматься сельскохозяйственным трудом и считавших в данный период это делом недостойным, за которое даже могли побить камнями, «как за ремесло несродное казачеству», гребенцы сеяли кукурузу и просо, занимались садоводством и огородничеством, разводили тутовые деревья и виноград. Их жены занимались домашними промыслами, «ткали сукна и галуны для домашнего обихода». Сообщения Фрича и Герольда о винограде, которого, по их данным, было много «в лесах и по берегам Сунжи и Терека в дикорастущем виде» [5, с. 66], заинтересовали Москву, из которой последовал запрос терскому воеводе о виноградоводстве на Тереке. Из ответа воеводы следовало, что в самих Терках виноград не выращивали, но у гребенских казаков в «городках виноградного куста добре много», и казаки возделывают виноградные лозы, «приготавливая из их плодов виноградные напитки, которые продают в Терках и держат про себя» [5, с. 66].

Исследования проблемы взаимоотношения Российского государства с народами Северного Кавказа при первом Романове свидетельствуют, что, несмотря на сложность военно-политической обстановки, разруху и трудности, с которыми столкнулась Россия после периода «смутного времени», Михаил Федорович уделял большое внимание этому важному региону. Царь нередко лично занимался не только крупными геополитическими проблемами Северного Кавказа и безопасностью южных границ государства, но и вникал в, казалось бы, мелкие бытовые вопросы взаимоотношений царских воевод и других представителей русской администрации с местным горским и казачьим населением. Данные архивов и материалы устной истории позволяют сделать выводы, что во взаимоотношениях с народами Северного Кавказа, в первую очередь, Кабарды и Терека, первые Романовы стремились продолжать политику Ивана Грозного и всемерно укрепляли русское влияние в этом важном геополитическом регионе.

Литература

1. Ключевский В. О. Русская история от древности до нового времени. М.: «Эксмо», 2005. 912 с.
2. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главных деятелей. М.: «Эксмо», 2004. 1024 с.
3. Олеария Адам. Описание путешествия в Москву и через Московию в Персию и обратно / введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб.: 1906. 567 с.
4. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.: «Кристалл», 1997. 832 с.
5. Потто В. А. Два века Терского Казачества (1577–1801). Владикавказ: 1912. Т. I. 235 с.